

Уинстон Черчилль Первая встреча мировых лидеров

Я прибыл в Кремль и впервые встретился с великим революционным вождем и мудрым русским государственным деятелем и воином, с которым в течение следующих трех лет мне предстояло поддерживать близкие, суровые, но всегда волнующие, а иногда даже сердечные отношения. Наше совещание продолжалось около четырех часов. Поскольку наш второй самолет, в котором находились Брук, Уэйвелл и Кадоган, не прибыл, присутствовали только Сталин, Молотов, Ворошилов, я, Гарриман, а также наш посол и переводчики. Я составил этот отчет на основании записей, которые мы вели, на основании моих собственных воспоминаний, а также телеграмм, которые я посылал в Англию в то время.

Первые два часа были унылыми и мрачными. Я сразу же начал с вопроса о втором фронте, заявив, что хочу говорить откровенно и хотел бы, чтобы Сталин тоже проявил полную откровенность. Я не приехал бы в Москву, если бы не был уверен, что он сможет обсуждать реальные вещи. Когда Молотов был в Лондоне, я говорил ему, что мы пытаемся составить планы диверсии во Франции. Я также разъяснил Молотову, что не могу дать никаких обещаний относительно 1942 года, и вручил Молотову меморандум по этому вопросу. После этого англичанами и американцами было проведено исчерпывающее изучение проблемы. Английское и американское правительства не считают для себя возможным предпринять крупную операцию в сентябре, являющемся последним месяцем, в течение которого можно полагаться на погоду. Однако, как это известно Сталину, они готовятся к очень большой операции в 1943 году. С этой целью сейчас установлены сроки прибытия в Соединенное Королевство миллиона американских солдат на их сборный пункт весной 1943 года, что составит экспедиционную армию в 27 дивизий, к которым английское правительство готово добавить 21 дивизию. Почти половину этих войск составят бронетанковые войска. Пока что в Соединенное Королевство прибыли только 2,5 американской Дивизии, однако большие перевозки будут осуществлены в октябре, ноябре и декабре.

Я сказал Сталину, что хорошо понимаю, что этот план не Дает никакой помощи России в 1942 году, но считаю возможным, что, когда план 1943 года будет готов, вполне может оказаться, что немцы будут иметь более сильную армию на Западе, чем теперь. В этот момент лицо Сталина нахмурилось, но он не прервал меня. Затем я сказал, что у меня есть серьезные доводы против атаки на французское побережье в 1942 году. Имеющихся у нас десантных судов хватит лишь для высадки первого эшелона десанта на укрепленном побережье — их хватит для того, чтобы высадить шесть дивизий и поддерживать их. Если высадка окажется успешной, могли бы быть посланы и другие дивизии, но лимитирующим фактором являются десантные суда, которые теперь строятся в очень большом количестве в Соединенном Королевстве, а особенно в Соединенных Штатах. Вместо одной дивизии, которая могла бы быть доставлена в этом году, в будущем году окажется возможным доставить восемь или десять.

Сталин становился все мрачнее и мрачнее; казалось, он не был убежден моими доводами и спросил, разве невозможно атаковать какую-либо часть французского побережья. Я показал ему карту, из которой было видно, насколько трудно создать воздушное прикрытие где-либо, кроме как непосредственно по ту сторону Ла-Манша. Он, казалось, не понял этого и задал несколько вопросов о радиусе действия самолетов-истребителей.

Разве они не могли бы, например, все время прилетать и улетать? Я разъяснил, что они, конечно, могли бы прилетать и улетать, но при таком радиусе у них не оставалось бы времени, чтобы сражаться, и я добавил, что воздушное прикрытие необходимо держать развернутым для того, чтобы оно приносило какую-то пользу. Он затем сказал, что во Франции нет ни одной германской дивизии, представляющей какую-нибудь ценность. Я

возражал против этого заявления. Во Франции находится 25 германских дивизий, причем 9 из них являются дивизиями первой линии. Он покачал головой. Я сказал, что взял с собой начальника имперского генерального штаба, чтобы подобные вопросы могли быть подробно рассмотрены с русским генеральным штабом. Существует граница, за пределами которой государственные деятели не могут вести переговоры такого рода.

Сталин, мрачное настроение которого к этому времени значительно усилилось, сказал, что, насколько он понимает, мы не можем создать второй фронт со сколько-нибудь крупными силами и не хотим даже высадить шесть дивизий. Я ответил, что дело обстоит так. Мы могли бы высадить шесть дивизий, но их высадка принесла бы больше вреда, чем пользы, ибо она сильно повредила бы большой операции, намечаемой на будущий год.

Война — это война, но не безрассудство, и было бы глупо навлечь катастрофу, которая не принесет пользу никому. Я выразил опасение, что привезенные мною известия не являются хорошими известиями. Если бы, бросив в дело 150–200 тысяч человек, мы могли оказать ему помощь, отвлекая с русского фронта существенные германские силы, мы не отказались бы от такого курса из-за потерь. Однако если это не отвлечет с русского фронта солдат и испортит перспективы 1943 года, то такое решение было бы большой ошибкой.

Сталин, который стал держать себя нервно, сказал, что он придерживается другого мнения о войне. Человек, который не готов рисковать, не может выиграть войну. Почему мы так боимся немцев? Он не может этого понять. Его опыт показывает, что войска должны быть испытаны в бою. Если не испытать в бою войска, нельзя получить никакого представления о том, какова их ценность. Я спросил, задавался ли он когда-нибудь вопросом, почему Гитлер не вторгся в Англию в 1940 году, когда его мощь была наивысшей, а мы имели только 20 тысяч обученных солдат, 200 пушек и 50 танков Черчилль Уинстон. Вторая мировая война. Кн. 2. Т. III — IV. М., 1991. С. 510–518, 521, 524, 525–527. Он не вторгся. Факт таков, что Гитлер испугался этой операции. Не так легко преодолеть Ла-Манш. Сталин ответил, что здесь не может быть аналогии. Высадка Гитлера в Англии встретила бы сопротивление народа, тогда как в случае английской высадки во Франции народ будет на стороне англичан.

Я сказал, что поэтому тем более важно, чтобы в результате отступления народ Франции не оказался перед угрозой мести Гитлера и чтобы не потерять зря этих людей, которые будут нужны во время большой операции в 1943 году.

Наступило гнетущее молчание. В конце концов Сталин сказал, что, если мы не можем произвести высадку во Франции в этом году, он не вправе требовать этого или настаивать на этом, но он должен сказать, что не согласен с моими доводами.

Затем я развернул карту Южной Европы, Средиземного моря и Северной Африки. Что представляет собой второй фронт? Представляет ли он собой только высадку на укрепленном побережье против Англии? Или он способен принять форму какого-нибудь другого большого предприятия, которое может быть полезным для общего дела? Я считал, что лучше постепенно обратить его внимание на Юг. Если бы, например, мы могли удерживать врага у Па-де-Кале путем концентрации наших войск в Англии и в то же время атаковать в другом месте, например, на Луаре, на Жиронде или, возможно, на Шельде, — это было бы многообещающим делом. Была, конечно, дана общая картина большой операции будущего года. Сталин опасался, что она неосуществима. Я сказал, что, конечно, будет трудно высадить миллион солдат, однако нам придется проявить настойчивость и попытаться.

Затем мы перешли к бомбардировкам Германии, что вызвало общее удовлетворение. Сталин подчеркнул, что очень важно наносить удары моральному состоянию германского населения. Он сказал, что придает величайшее значение бомбардировкам и что ему известно, что наши налеты имеют громадные последствия в Германии.

После разговора на эту тему, который ослабил напряжение, Сталин заметил, что в результате нашей долгой беседы создается впечатление, что мы не собираемся

предпринять ни «Следжхэммер», ни «Раунд-ап» и что мы хотим довольствоваться бомбардировками Германии. Я решил покончить с самым худшим вначале и создать подходящую атмосферу для проекта, сообщить о котором я прибыл. Поэтому я не пытался сразу же рассеять мрачную атмосферу. Я специально просил, чтобы в момент опасности между друзьями и товарищами проявлялась полная откровенность. Однако во время беседы господствовала обстановка вежливости и достоинства.

* * *

Наступил момент пустить в ход «Торч». Я сказал, что хочу вернуться к вопросу о втором фронте в 1942 году, ради чего я приехал. Я не считаю, что Франция является единственным местом для такой операции. Есть другие места, и мы с американцами приняли решение относительно другого плана, который американский президент разрешил мне сообщить секретно Сталину. Сейчас я приступил к этому. Я подчеркнул большое значение секретности. При этом Сталин привстал, улыбнулся и сказал, что, как он надеется, никакие сообщения по этому поводу не появятся в английской печати.

Затем я точно разъяснил операцию «Торч». Когда я закончил свой рассказ, Сталин проявил живейший интерес. Прежде всего он задал вопрос, что случится в Испании и вишистской Франции. Несколько позднее он заметил, что операция правильна с военной точки зрения, однако у него есть политические сомнения относительно ее влияния на Францию. Он, в частности, спросил о сроках, и я сказал — не позднее 30 октября, однако президент и все мы стараемся передвинуть срок на 7 октября. Это, казалось, вызвало большое облегчение у троих русских.

Я затем говорил о том, какие военные преимущества принесет освобождение Средиземного моря — оно даст возможность открыть еще один фронт. В сентябре мы должны одержать победу в Египте, а в октябре — в Северной Африке, все время удерживая врага в Северной Франции.

Если к концу года мы сможем овладеть Северной Африкой, мы могли бы угрожать брюху гитлеровской Европы, и эта операция должна рассматриваться в сочетании с операцией 1943 года. Это и есть то, что мы с американцами решили сделать.

Чтобы проиллюстрировать свои разъяснения, я тем временем нарисовал крокодила и объяснил Сталину с помощью этого рисунка, как мы намереваемся атаковать мягкое брюхо крокодила, в то время как мы атакуем его жесткую морду» Сталин, который был теперь очень заинтересован, сказал: «Дай бог, чтобы это предприятие удалось».

Я подчеркнул, что мы хотим облегчить бремя русских. Если мы попытаемся сделать это в Северной Франции, то натолкнемся на отпор. Если мы предпримем попытку в Северной Африке, то у нас будут хорошие шансы на победу, и тогда мы могли бы помочь в Европе. Если бы мы могли овладеть Северной Африкой, то Гитлеру пришлось бы отозвать свои воздушные силы, в противном случае мы уничтожили бы его союзников, даже, например, Италию, и произвели бы высадку. Операция окажет серьезное влияние на Турцию и на всю Южную Европу, и я боюсь только того, что нас могут опередить. Если Северная Африка будет завоевана в этом году, мы могли бы предпринять смертельную атаку против Гитлера в следующем году. Это явилось поворотным моментом в нашем разговоре.

Сталин затем начал говорить о различных политических трудностях. Не будет ли неправильно истолкован во Франции захват англичанами и американцами районов, где намечена операция «Торч»? Что мы предпримем в отношении де Голля? Я сказал, что мы не хотим, чтобы на этом этапе он вмешивался в операцию. Французы (вишистские), вероятно, станут стрелять в деголлевцев, но вряд ли они будут стрелять в американцев. Гарриман очень настойчиво поддержал это, сославшись на сообщения, которым президент доверяет, от американских агентов на всей территории проведения операции «Торч», а также на мнение адмирала Леги.

* * *

В этот момент Сталин, по-видимому, внезапно оценил стратегические преимущества операции «Торч». Он перечислил четыре основных довода в ее пользу. Во-первых, это нанесет Роммелю удар с тыла; во-вторых, это запугает Испанию; в-третьих, это вызовет борьбу между немцами и французами во Франции; в-четвертых, это поставит Италию под непосредственный удар.

Это замечательное заявление произвело на меня глубокое впечатление. Оно показывало, что русский диктатор быстро и полностью овладел проблемой, которая до этого была новой для него. Очень немногие из живущих людей могли бы в несколько минут понять соображения, над которыми мы так настойчиво бились на протяжении ряда месяцев. Он все это оценил молниеносно.

Я упомянул пятую причину, а именно, сокращение морского пути через Средиземное море. Сталину хотелось знать, можем ли мы пройти через Гибралтарский пролив. Я сказал, что все будет в порядке. Я сообщил ему также об изменениях в командовании в Египте и о нашей решимости дать там решающий бой в конце августа или в сентябре. Наконец стало ясно, что всем им нравится «Торч», хотя Молотов спросил, нельзя ли осуществить эту операцию в сентябре.

Затем я добавил: «Франция подавлена, и мы хотим подбодрить ее». Франция поняла значение событий на Мадагаскаре и в Сирии. Прибытие американцев приведет к тому, что французская нация перейдет на нашу сторону. Это испугает Франко. Немцы, может быть, сразу же скажут французам: «Отдайте нам ваш флот и Тулон». Это вновь возбудило бы антагонизм между Виши и Гитлером.

Я затем коснулся вопроса о возможности использования англо-американской авиации на южном фланге русских армий, чтобы защищать Каспийское море и Кавказские горы и вообще сражаться на этом театре. Однако я не говорил о деталях, поскольку нам, конечно, надо было сначала выиграть нашу битву в Египте и я не был знаком с планами президента относительно участия американцев. Если Сталину понравится эта идея, мы займемся детальной ее разработкой. Он ответил, что они будут очень благодарны за эту помощь, но вопрос о размещении английской авиации потребует детального изучения. Я был очень заинтересован этим проектом, ибо он привел бы к более ожесточенным боям между англо-американской авиацией и немцами и все это помогло бы завоевать господство в воздухе при более благоприятных условиях, чем тогда, когда надо сидеть и ждать возникновения опасности над Па-де-Кале.

Затем мы собрались около большого глобуса, и я разъяснил Сталину, какие громадные преимущества даст освобождение от врага Средиземного моря. Я сказал Сталину, что если он захочет опять увидеться со мной, то я в его распоряжении. Он ответил, что по русскому обычаю гость должен сказать о своих желаниях и что он готов принять меня в любое время. Теперь он знал самое худшее, и мы все-таки расстались в атмосфере доброжелательства.

Встреча продолжалась почти четыре часа. Потребовалось полчаса с небольшим, чтобы добраться до государственной дачи номер 7. Хотя я был сильно утомлен, я продиктовал после полуночи телеграммы военному кабинету и президенту Рузвельту, а затем крепко и надолго заснул с сознанием, что, по крайней мере, лед сломлен и установлен человеческий контакт.

МОСКВА. ОТНОШЕНИЯ УСТАНОВЛЕНЫ

На следующее утро я проснулся поздно в моем роскошном помещении. Был четверг 13 августа — этот день всегда был для меня «днем Бленгейма». Я договорился, что в полдень нанесу визит Молотову в Кремле, чтобы разъяснить ему полнее и яснее характер различных операций, которые мы имели в виду. При встрече я сказал, что было бы вредно

для общего дела, если бы вследствие взаимных обвинений из-за отказа от операции «Следжхэммер» мы были бы вынуждены публично доказывать нецелесообразность таких операций. Я разъяснил также более подробно политическое значение операции «Торч» Он слушал вежливо, но ничего не говорил. Я предложил ему, чтобы моя встреча со Сталиным состоялась в 10 часов этим вечером. Позднее, днем, мне сообщили, что удобнее было бы устроить встречу в 11 часов вечера. Меня спросили, не захочу ли я взять с собой Гарримана, поскольку речь будет идти о тех же вопросах, что и накануне вечером. Я ответил «да» и сказал, что мне хотелось бы также взять с собой Кадогана, Брука, Уэйвелла и Теддера, которые тем временем благополучно прибыли из Тегерана на русском самолете, поскольку существовала опасность возникновения пожара на их самолете «Либерейтор».

Прежде чем покинуть эту изысканную строгую комнату дипломата, я повернулся к Молотову и сказал: «Сталин допустил бы большую ошибку, если бы обошелся с нами сурово, после того как мы проделали такой большой путь. Такие вещи не часто делаются обеими сторонами сразу». Молотов впервые перестал быть чопорным. «Сталин, — сказал он, — очень мудрый человек. Вы можете быть уверены, что, каким бы ни были его доводы, он понимает все. Я передам ему то, что вы сказали».

* * *

Мы все прибыли в Кремль в 11 часов вечера и были приняты только Сталиным и Молотовым, при которых находился их переводчик. Загем начался крайне неприятный разговор. Сталин передал мне документ. Когда он был переведен, я сказал, что отвечу на него в письменной форме и что Сталин должен понять, что мы приняли решение относительно курса, которому надо следовать, и упреки тщетны. После этого мы спорили почти два часа. За это время он сказал очень много неприятных вещей, особенно о том, что мы слишком боимся сражаться с немцами и что если бы мы попытались это сделать, подобно русским, то мы убедились бы, что это не так уж плохо; что мы нарушили наше обещание относительно «Следжхэммера»; что мы не выполнили обещаний в отношении поставок России и посылали лишь остатки после того, как взяли себе все, в чем мы нуждались. По-видимому, эти жалобы были адресованы в такой же степени Соединенным Штатам, как и Англии.

Я решительно отверг все его утверждения, но без каких-либо колкостей. Мне кажется, он не привык к тому, чтобы ему неоднократно противоречили. Однако он вовсе не рассердился и даже не был возбужден. Он повторил свое мнение, что англичане и американцы смогли бы высадить шесть или восемь дивизий на Шербурском полуострове, поскольку они обладают господством в воздухе. Он считал, что если бы английская армия так же много сражалась с немцами, как русская армия, то она не боялась бы так сильно немцев. Русские и, конечно, английская авиация показали, что немцев можно бить. Английская пехота могла бы сделать то же самое при условии, если бы она действовала одновременно с русскими.

Я вмешался и заявил, что согласен с замечаниями Сталина по поводу храбрости русской армии. Предложение о высадке в Шербуре не учитывает существования Ла-Манша. Наконец Сталин сказал, что нет смысла продолжать разговор на эту тему. Он вынужден принять наше решение. Затем он отрывисто пригласил нас на обед в 8 часов следующего вечера.

Принимая приглашение, я сказал, что вылетчу на самолете на рассвете следующим утром, то есть 15-го. Джо, казалось, был несколько озабочен этим и спросил, не смогу ли я остаться дольше. Я ответил, что, конечно, могу, если это принесет какую-нибудь пользу, и что во всяком случае я останусь еще на день. Я воскликнул затем, что в его позиции не чувствуется уз товарищества. Я проделал большой путь, чтобы установить хорошие деловые отношения. Мы сделали все возможное, чтобы помочь России, и будем

продолжать это делать. Мы были покинуты в полном одиночестве в течение года в борьбе против Германии и Италии. Теперь, когда три великие нации стали союзниками, победа обеспечена, при условии, если мы не разойдемся и т. д. Когда я говорил это, я был несколько возбужден, и, прежде чем сказанное мною успели перевести, Сталин заметил, что ему нравится тон моего высказывания. После этого начался разговор в несколько менее напряженной атмосфере.

Сталин начал длительное обсуждение, касающееся двух русских минометов, стреляющих ракетами, действие которых, по его словам, было опустошительным. Он предложил показать их нашим экспертам, если они могут обождать. Он сказал, что предоставит нам всю информацию об этих минометах, но не будет ли нами дано что-нибудь взамен? Не должно ли существовать соглашение об обмене информацией по поводу изобретений? Я сказал, что мы дадим им все, не торгуясь, за исключением лишь тех приспособлений, которые, если они окажутся на самолетах над вражескими позициями и будут сбиты, сделают для нас более трудной бомбардировку Германии. Он согласился с этим. Он также согласился с тем, чтобы его военные представители встретились с нашими генералами, и такая встреча была намечена на 3 часа дня. Я сказал, что им потребуется по крайней мере 4 часа, чтобы полностью разобраться в различных технических вопросах, связанных с операциями «Следжхэммер», «Раунд-ап» и «Торч». Он как-то заметил, что операция «Торч» «правильна с военной точки зрения», но что политическая сторона дела требует более деликатного, то есть более внимательного отношения. Время от времени он возвращался к «Следжхэммеру» и выражал свое недовольство по этому поводу. Когда он сказал, что наше обещание не было выполнено, я ответил: «Я отвергаю это заявление. Каждое обещание было выполнено». И я сослался на памятную записку, которую передал Молотову. Он как будто извинился, заявив, что выражает свое искреннее и честное мнение, что между нами нет недоверия, а существует только расхождение во взглядах.

Наконец я задал вопрос по поводу Кавказа. Намерен ли он защищать горную цепь и каким количеством дивизий? При обсуждении этого вопроса он послал за макетом хребта и совершенно откровенно и с явным знанием дела разъяснил прочность этого барьера, для защиты которого, по его словам, имеется 25 дивизий. Он указал на различные горные проходы и сказал, что они будут обороняться. Я спросил, укреплены ли они, и он ответил: «Да, конечно». Линия фронта русских, до которой враг еще не дошел, находилась севернее основного хребта. Он сказал, что им придется держаться в течение двух месяцев, когда снег сделает горы непроходимыми. Он заявил, что вполне уверен в том, что они смогут это сделать, а также подробно говорил о силе Черноморского флота, который был сосредоточен в Батуми.

Вся эта часть беседы была менее напряженной, однако, когда Гарриман задал вопрос по поводу планов доставки американских самолетов через Сибирь, на что русские лишь недавно дали согласие после продолжительных настояний американцев, он ответил отрывисто: «Войны не выигрывают планами». Гарриман все время поддерживал меня, и ни один из нас не сделал ни малейшей уступки и не произнес ни одного горького слова.

Сталин раскланялся с нами и протянул мне на прощание свою руку, и я пожал ее.

* * *

Этим вечером мы были на официальном обеде в Кремле, на котором присутствовало около 40 человек, в том числе некоторые высокопоставленные военные, члены Политбюро и другие высшие официальные лица. Сталин и Молотов радушно принимали гостей. Такие обеды продолжаются долго, и с самого начала было произнесено в форме очень коротких речей много тостов и ответов на них. Распространялись глупые истории о том, что эти советские обеды превращаются в попойки. В этом нет ни доли правды. Маршал и его коллеги неизменно пили после тостов из крошечных рюмок, делая в каждом

случае лишь маленький глоток. Меня изрядно угощали.

Во время обеда Сталин оживленно говорил со мной через переводчика Павлова. «Несколько лет назад, — сказал он, — нас посетили Джордж Бернард Шоу и леди Астор». Леди Астор предложила пригласить Ллойда Джорджа посетить Москву, на что Сталин ответил: «Для чего нам приглашать его? Он возглавлял интервенцию». На это леди Астор сказала: «Это неверно. Его ввел в заблуждение Черчилль». «Во всяком случае, — сказал Сталин, — Ллойд Джордж был главой правительства и принадлежал к левым. Он нес ответственность, а мы предпочитаем открытых врагов притворным друзьям». «Ну что же, с Черчиллем теперь покончено», — заметила леди Астор. «Я не уверен, — ответил Сталин. — В критический момент английский народ может снова обратиться к этому старому боевому коню». Здесь я прервал его замечанием: «В том, что она сказала, много правды. Я принимал весьма активное участие в интервенции, и я не хочу, чтобы вы думали иначе». Он дружелюбно улыбнулся, и тогда я спросил: «Вы простили меня?» — «Премьер Сталин говорит, — перевел Павлов, — что все это относится к прошлому, а прошлое принадлежит богу».

* * *

Во время одной из моих последних бесед со Сталиным я сказал: «Лорд Бивербрук сообщил мне, что во время его поездки в Москву в октябре 1941 года вы спросили его: «Что имел в виду Черчилль, когда заявил в парламенте, что он предупредил меня о готовящемся германском нападении?» «Да, я действительно заявил это, — сказал я, — имея в виду телеграмму, которую я отправил вам в апреле 1941 года». И я достал телеграмму, которую сэр Стаффорд Криппс доставил с запозданием. Когда телеграмма была прочтена и переведена Сталину, тот пожал плечами: «Я помню ее. Мне не нужно было никаких предупреждений. Я знал, что война начнется, но я думал, что мне удастся выиграть еще месяцев шесть или около этого». Во имя нашего общего дела я удержался и не спросил, что произошло бы с нами всеми, если бы мы не выдержали натиска, пока он предоставлял Гитлеру так много ценных материалов, времени и помощи.

Меня обижало многое, что говорилось на наших совещаниях. Я делал всяческие скидки на то напряжение, которое испытывали советские руководители в условиях, когда они вели кровопролитные сражения на фронте почти в 2 тысячи миль, а немцы находились в 50 милях от Москвы и двигались к Каспийскому морю. Технические военные переговоры шли не особенно успешно. Наши генералы задавали всевозможные вопросы, на которые их советские коллеги не были уполномочены отвечать. Единственное требование Советов было — «второй фронт сейчас». В конце концов Брук даже повел себя несколько резко, и военное совещание было прервано довольно внезапно.

Нам предстояло вылететь на рассвете 16-го. Накануне вечером, в 7 часов, я отправился попрощаться со Сталиным. Состоялась полезная и важная беседа. В частности, я спросил, сможет ли он удержать кавказские горные проходы и помешать немцам достигнуть Каспийского моря, захватить нефтепромыслы в районе Баку, воспользоваться связанными с этим преимуществами и затем рвануться на юг через Турцию или Персию. Он разостлал на столе карту и сказал со спокойной уверенностью: «Мы остановим их. Они не перейдут через горы». Он добавил: «Ходят слухи, что турки нападут на нас в Туркестане. Если это верно, то я смогу расправиться и с ними». Я сказал, что нет такой опасности. Турки намерены держаться в стороне и, конечно, не захотят ссориться с Англией.

Наша беседа, длившаяся час, подходила к концу, и я поднялся и начал прощаться. Сталин вдруг, казалось, пришел в замешательство и сказал особенно сердечным тоном, каким он еще не говорил со мной: «Вы уезжаете на рассвете. Почему бы нам не отправиться ко мне домой и не выпить немного?» Я сказал, что в принципе я всегда за такую политику. Он повел меня через многочисленные коридоры и комнаты до тех пор,

пока мы не вышли на безлюдную мостовую внутри Кремля и через несколько сот шагов пришли в квартиру, в которой он жил. Он показал мне свои личные комнаты, которые были среднего размера и обставлены просто и достойно. Их было четыре — столовая, кабинет, спальня и большая ванная. Вскоре появилась сначала очень старая экономка, а затем красивая рыжеволосая девушка, которая покорно поцеловала своего отца. Он взглянул на меня с усмешкой в глазах, и мне показалось, что он хотел сказать: «Видите, мы, большевики, тоже живем семейной жизнью». Дочь Сталина начала накрывать на стол, и вскоре экономка появилась с несколькими блюдами. Тем временем Сталин раскупоривал разные бутылки, которые вскоре составили внушительную батарею. Затем он сказал: «Не позвать ли нам Молотова? Он беспокоится о коммунике. Мы могли бы договориться о нем здесь. У Молотова есть одно особенное качество — он может пить». Тогда я понял, что предстоит обед. Я собирался обедать на государственной даче номер 7, где меня ждал польский командующий генерал Андерс, но я попросил моего нового и превосходного переводчика майора Бирса позвонить и передать, что я вернусь после полуночи. Вскоре прибыл Молотов. Мы сели за стол, и с двумя переводчиками нас было пятеро. Майор Бирс жил в Москве 20 лет и отлично понимал Сталина, с которым он в течение некоторого времени вел довольно живой разговор, в котором я не мог принять участия.

Мы просидели за этим столом с 8 часов 30 мин. утра до 2 часов 30 минут пополудни, что вместе с моей предыдущей беседой составило в целом более семи часов. Обед был, очевидно, импровизированным и неожиданным, но постепенно приносили все больше и больше еды. Мы отведывали всего понемногу, по русскому обычаю, пробуя многочисленные и разнообразные блюда, и потягивали различные превосходные вина. Молотов принял свой самый приветливый вид, а Сталин, чтобы еще больше улучшить атмосферу, немилосердно подшучивал над ним.

Вскоре мы заговорили о конвоях судов, направляемых в Россию. В этой связи он сделал грубое замечание о почти полном уничтожении арктического конвоя в июне. В свое время я уже рассказал об этом инциденте. В то время мне не были известны многие подробности, которые я знаю сейчас.

«Г-н Сталин спрашивает, — сказал Павлов несколько нерешительно, — разве у английского флота нет чувства гордости?» Я ответил: «Вы должны верить мне, что то, что было сделано, было правильно. Я действительно знаю много о флоте и морской войне». «Это означает, — вмешался Сталин, — что я ничего не знаю». «Россия сухопутный зверь, — сказал я, — а англичане морские звери». Он замолчал и вновь обрел свое благодушное настроение. Я перевел разговор на Молотова: «Известно ли маршалу, что его министр иностранных дел во время своей недавней поездки в Вашингтон заявил, что он решил посетить Нью-Йорк исключительно по своей инициативе и что его задержка на обратном пути объяснялась не какими-нибудь неполадками с самолетом, а была преднамеренной».

Хотя на русском обеде в шутку можно сказать почти все, что угодно, Молотов отнесся к этому довольно серьезно. Но лицо Сталина просияло весельем, когда он сказал: «Он отправился не в Нью-Йорк. Он отправился в Чикаго, где живут другие гангстеры».

Когда отношения были, таким образом, полностью восстановлены, беседа продолжалась. Я заговорил о высадке англичан в Норвегии при поддержке русских и объяснил, что если бы нам удалось захватить Нордкап зимой и уничтожить там немцев, это открыло бы путь для наших конвоев. Этот план, как можно заключить из предыдущего, всегда был одним из моих излюбленных планов. Казалось, Сталину он понравился, и, обсудив средства его осуществления, мы договорились, что нам следует выполнить его по мере возможности.

* * *

Было уже за полночь, а Кадоган все не появлялся с проектом коммюнике.

«Скажите мне, — спросил я, — на вас лично так же тяжело сказываются тяготы этой войны, как проведение политики коллективизации?»

Эта тема сейчас же оживила маршала.

«Ну нет, — сказал он, — политика коллективизации была страшной борьбой».

«Я так и думал, что вы считаете ее тяжелой, — сказал я, — ведь вы имели дело не с несколькими десятками тысяч аристократов или крупных помещиков, а с миллионами маленьких людей».

«С десятью миллионами, — сказал он, подняв руки. — Это было что-то страшное, это длилось четыре года, но для того, чтобы избавиться от периодических голодовок, России было абсолютно необходимо пахать землю тракторами. Мы должны механизировать наше сельское хозяйство. Когда мы давали трактора крестьянам, то они приходили в негодность через несколько месяцев. Только колхозы, имеющие мастерские, могут обращаться с тракторами. Мы всеми силами старались объяснить это крестьянам. Но с ними было бесполезно спорить. После того, как вы изложите все крестьянину, он говорит вам, что он должен пойти домой и посоветоваться с женой, посоветоваться со своим подпаском».

Это последнее выражение было новым для меня в этой связи.

«Обсудив с ними это дело, он всегда отвечает, что не хочет колхоза и лучше обойдется без тракторов».

«Это были люди, которых вы называли кулаками?»

«Да, — ответил он, не повторив этого слова. После паузы он заметил: — Все это было очень скверно и трудно, но необходимо».

«Что же произошло?» — спросил я.

«Многие из них согласились пойти с нами, — ответил он. — Некоторым из них дали землю для индивидуальной обработки в Томской области, или в Иркутской, или еще дальше на север, но основная их часть была весьма непопулярна, и они были уничтожены своими батраками».

Наступила довольно длительная пауза. Затем Сталин продолжал: «Мы не только в огромной степени увеличили снабжение продовольствием, но и неизмеримо улучшили качество зерна. Раньше выращивались всевозможные сорта зерна. Сейчас во всей нашей стране никому не разрешается сеять какие бы то ни было другие сорта, помимо стандартного советского зерна. В противном случае с ними обходятся сурово. Это означает еще большее увеличение снабжения продовольствием».

Я воспроизвожу эти воспоминания по мере того, как они приходят мне на память, и помню, какое сильное впечатление на меня в то время произвело сообщение о том, что миллионы мужчин и женщин уничтожаются или навсегда переселяются. Несомненно, родится поколение, которому будут неведомы их страдания, но оно, конечно, будет иметь больше еды и будет благословлять имя Сталина. Я не повторил афоризм Берка: «Если я не могу провести реформ без несправедливости, то не надо мне реформ». В условиях, когда вокруг нас свирепствовала мировая война, казалось бесполезным морализировать вслух.

К часу ночи прибыл Кадоган с проектом коммюнике, и мы занялись его окончательным редактированием. На стол подали молочного поросенка довольно крупных размеров. До сих пор Сталин только пробовал отдельные блюда, но время близилось уже к 3 часам ночи, и это был его обычный обеденный час. Он предложил Кадогану вместе с ним атаковать жертву, а когда мой Друг отказался, хозяин обрушился на жертву в одиночку. Закончив, он поспешно вышел в соседнюю комнату, чтобы выслушать Доклады со всех участков фронта, которые начинали поступать к нему после 2 часов утра. Он возвратился минут через 20, и к тому времени мы согласовали коммюнике. Наконец в 2 часа 30 минут утра я сказал, что должен ехать. Мне нужно было полчаса добираться до дачи и столько же ехать до аэродрома. Голова моя раскалывалась от боли, что было для меня весьма необычным. А мне еще нужно было повидаться с генералом

Андерсом. Я просил Молотова не провожать меня на рассвете, так как он явно был очень утомлен. Он посмотрел на меня укоризненно, как бы говоря: «Вы действительно думаете, что я не провожу вас?»

Источник: Черчилль Уинстон. Вторая мировая война. Кн. 2. Т. III — IV. М., 1991. С. 510–518, 521, 524, 525–527